

А.С. Жанбосинова
К.Р. Жириндинова
С.С. Жандыбаева*

A.S. Zhanbosinova
K.R. Zhirindinova
S.S. Zhandybaeva*

**Устная микроистория
«Большого террора»
(по материалам архивно-следственных
дел репрессированных)****

**The Oral Microhistory
of the “Great Terror”
(Based on Materials from Archival
Investigations of the Repressed)****

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-8

УДК 9-93/94

Выходные данные для цитирования:

Жанбосинова А.С., Жириндинова К.Р., Жандыбаева С.С. Устная микроистория «Большого террора» (по материалам архивно-следственных дел репрессированных) // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 98–108. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-08.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-8

How to cite:

Zhanbosinova A.S., Zhirindinova K.R., Zhandybaeva S.S. The Oral Microhistory of the “Great Terror” (Based on Materials from Archival Investigations of the Repressed) // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 98–108. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-08.pdf>

Abstract. The authors consider the oral microhistory of political repression based on the analysis of archival and investigative materials. A unique set of sources, most of which are introduced into scientific circulation for the first time, reflect the repressed everyday life of Soviet people. Given the originality and specificity of the materials used, the authors conducted a narratological analysis of archival and investigative materials in the focus of the created images of the history of political repression. Of particular interest are the oral traditions of the prison life of informants with daily reports of conversations that took place in the cell. The direct participants in the procedural algorithm of the investigation are, on the one hand, the PCIA officer, as the accusing party, and on the other hand, the arrested citizen, as the accused person. Their communication, drawn up in the records of interrogation protocols, demonstrates the perception of Soviet everyday life and the opposition of consciousness to political violence. A special perspective of the oral microhistory from the first person in the status of an arrested, accused, interrogated, etc. reveals the deep processes of interaction of a “little man” with power, repressive everyday life and its relation to current events. Soviet dissent in the form of comments, rumors and anecdotes, ditties and other folklore of the period of repression was evaluated by article 58-10 as “anti-Soviet» humor ridiculed international events, party leaders, five-year plans, made fun of saving the Schmidt expedition,

* **Жанбосинова Альбина Советовна**, доктор исторических наук, Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Жириндинова Куралай Рымкановна, магистр истории, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: kuralaikura@mail.ru

Жандыбаева Сауле Сериковна, докторант Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, e-mail: 1209saule@gmail.com

Zhanbosinova Albina S., Doctor of Historical Sciences, S. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Zhirindinova Kuralay R., Master of History, S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: kuralaikura@mail.ru

Zhandybaeva Saule S., PhD Doctoral Student, S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: 1209saule@gmail.com

** Статья написана в рамках Проекта КН МОН РК ИРН: AP05130870 «Память о жертвах политических репрессий (1920–1950-е гг.) и ее фиксация в сакральном ландшафте Казахстана (на примере Восточного Казахстана)».

The article is written in the framework of the project of the Control Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan IRN: AP05130870 “Memory of the victims of political repression (1920–1950s) and its fixation in the sacral landscape of Kazakhstan (on the example of East Kazakhstan)”.

relaxing in Soviet sanatoriums, etc. The research conducted shows that any critical assessment of the daily hardships of Soviet life was perceived by the Soviet government as an opposition. The point of opposition consciousness was directed at criticizing party policies that carried out the country's economic modernization with the destruction of economic freedom and a decline in the quality of life.

Keywords: Oral microhistory; folklore; political repression; archival and investigative materials; anti-Soviet agitation.

The article has been received by the editor on 01.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе анализа архивно-следственных материалов рассмотрена устная микроистория политических репрессий. Уникальный комплекс источников, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, отражают репрессированную повседневность советского человека. С учетом своеобразия и специфики используемых материалов проведен нарратологический анализ архивно-следственных материалов в фокусе созданных образов истории политических репрессий. Особый интерес представляют устные традиции тюремного бытия осведомителей с ежедневными отчетами об имевших место разговорах в камере. Непосредственными участниками процессуального алгоритма следствия являются, с одной стороны, сотрудник НКВД как обвиняющая сторона, с другой – арестованный гражданин как обвиняемое лицо. Их коммуникация, оформленная в записях протоколов допроса, демонстрирует восприятие советской повседневности и оппозиционность сознания к политическому насилию. Особый ракурс устной микроистории от первого лица в статусе арестованного, обвиняемого, допрашиваемого и т.д. раскрывает глубинные процессы взаимодействия маленького человека с властью, репрессивную повседневность и его отношение к текущим событиям. Советское инакомыслие в виде комментариев, слухов и анекдотов, частушек и прочего народного фольклора периода репрессий оценивалось статьей 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Народный фольклор не имел пограничных линий, «антисоветский» юмор осмеивал международные события, партийных руководителей, пятилетние планы, потешался над спасением экспедиции Шмидта, отдыхом в советских санаториях и пр. Проведенное исследование показывает, что любая критическая оценка повседневных тягот советской жизни воспринималась советской властью как оппозиция. Острые оппозиционного сознания направлялось на критику политики партии, проводившей экономическую модернизацию страны с уничтожением экономической свободы и снижением качества жизни.

Ключевые слова: устная микроистория; народный фольклор; политические репрессии; архивно-следственные материалы; антисоветская агитация.

В мировой практике принято отдавать дань жертвам, невинно убиенным. Так, 24 апреля армяне проводят молебен жертвам геноцида. 27 января – Международный день памяти жертв Холокоста и т.д. Казахстан не стал исключением: начиная с 1997 г. 31 мая в Казахстане отмечается День памяти жертв политических репрессий. Структуральное построение и содержание национальной истории основывается на идеологии государственной политики постсоветских республик. Соответственно официально-государственный нарратив источниковой базы отражает политическую линию написания собственной истории республики. Общей схемой национальных исследовательских практик в оценке советского наследия является: трагический надрыв, пафосность через призму жертвенности и канонизирования репрессированной интеллектуальной элиты, актуализация исторической персоналистики; демонизация советской истории на фоне уничтожения национальных автономий, применение постколониального дискурса, теорий национального прошлого. Ежегодно в Казахстане 31 мая вспоминают жертв политического террора, приводя статистику, известные

фамилии из расстрельного списка и пр. Отдавая дань уважения погибшим, мы должны понять историю политических репрессий «снизу», взглянуть на нее глазами тех, кто оказался в молохе государственного террора.

Современные междисциплинарные исследовательские подходы расширяют проблемное поле истории политических репрессий. Особое значение в оценке трагических страниц прошлого приобретают антропологические сюжеты, раскрывающие судьбу человека на фоне зловещей машины репрессивного аппарата НКВД. Репрезентация «Большого террора» не имеет четко очерченных методологических границ. С одной стороны это могут быть официальные исторические нарративы, в меру закрытые с грифом секретности, с другой – это историческая память в сполохах устных воспоминаний. Первые раскрывают алгоритм репрессивного механизма, вторые описывают репрессивную повседневность бытия. Лейтмотивом предложенного исследования является нарратологический анализ архивно-следственных материалов в фокусе созданных образов истории политических репрессий. Фрагменты устной микроистории из указанных источников дают возможность познакомиться с неизвестными страницами на фоне человеческих судеб, услышать историю от первого лица.

Процессуальный алгоритм следствия начинается с ареста, визуальным образом которого является «черный воронок как зловещий символ репрессий». Особое место занимает следственный процесс в противостоянии его непосредственных участников: с одной стороны, сотрудника НКВД (обвиняющая сторона), с другой – арестованного гражданина (обвиняемое лицо). В совокупности архивно-следственные дела показывают допущенные грубейшие нарушения социалистической законности, выразившиеся в незаконных арестах, в применении недозволённых методов следствия к арестованным, в результате чего их вынуждали давать не соответствующие действительности показания.

Нормативная и циркулярная информация заменялась в оперативных мероприятиях установками республиканского аппарата НКВД¹. Во многих районах изобретались «инновационные» формы следствия, когда всех арестованных могли сделать членами повстанческих и прочих организаций. Иногда все без разбора арестованные, не причастные к «контрреволюционной деятельности» представители различных социальных групп (рядовые колхозники, «бывшие» баи, кулаки и пр.) с общей массой репрессировались как «контрреволюционный элемент». По одному делу могла проходить вся деревня, аул общим списком от одного до чуть менее, а иногда и более 100 человек.

Особое место в системе НКВД занимала тюрьма, имеющиеся документы приоткрывают завесу повседневного бытия политических арестантов в условиях закрытого помещения. Сочетание физического насилия с психологическим направлялось на ежедневное уничтожение человека, «здесь ломали людей по специально отработанной методике»². В каждой камере арестного помещения сажались один или два агента, и несколько подготовленных заключенных, которые должны были работать над вновь поступающими арестованными. Работа заключалась в том, что вновь прибывший арестованный должен признаваться, что он член «повстанческой организации», «контрреволюционной группы», «националистической группы», «антисоветской группы баев» и пр. Смысл признания заключался в том, что он знает других членов организации. Естественно вновь прибывший арестованный говорил, что он не причастен к каким-либо организациям, не ведает ни о каких членах и собраниях группы и вообще ничего не знает. Окружающие начинали его пугать побоями, «стоянкой на ногах», в самой камере не давали места для сна. Тогда напуганный сокамерниками вновь прибывший обращался за советом к «бывалым», его тут же учили, что говорить. Говорить нужно, что его завербовал в организацию такой-то (назывались фамилии); что он завербовал в организацию своих знакомых с указанием фамилий и тогда все будет в порядке: он отправится в лагерь, не будет расстрелян. После этой обработки вызывался дежурный по арестованному помещению, которому сообщалось, что вновь

¹ Жанбосинова А.С. Борис Чирков и Лев Залин: к биографии руководства НКВД Казахской ССР // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 7. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-07.pdf>

² Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. 627 с.

прибывший желает дать показания. Его вызывали, записывали показания, заученные в камере, сажали в другую камеру, а на его место поступал новый³.

«Как я узнал в тюрьме от самих заключенных, было арестовано много нацменов и русских примерно 500 человек, как, например, я знаю фамилии – татары: Ильясов Мингатай Юсупович, Валитов Нурахмет Валиевич, Валиев Халик Фарутдинович; казахи: Тобулов Кумаргажи, Мусаканов Оралгазы, Асанов Маулуз; русские: Сидоров Василий Сергеевич, Зубков Михаил Петрович и др., которые открыто говорили что, не выдержав режима, применявшегося производившими следствие, они вынуждены были сами себя оговорить, т.е. сознаться в таком преступлении, которого никогда не совершали... меня предупредили заключенные, что он... ложно дал на следствии показания о вербовке меня и других, к чему был вынужден мучительными, длительными допросами, ...то я пришел в ужас в особенности после того, как допрашивавшиеся в тот же день Тобулов и Мусаканов возвратились из допроса избитыми и окровавленными... следователь... ударил меня наганом, затем стал наносить удары кулаками... такой допрос продолжался с пяти часов вечера до девяти часов утра...»⁴

Таким образом рождались «контрреволюционные организации» с профилем «повстанческая», «националистическая», «антисоветская байская», «диверсионно-террористическая» – все зависело от очередной установки. Сведения для фабрикации обвинений в НКВД выбивались по одному сценарию, от объема списка зависела результативность следователя и его последующая карьера⁵. Районные работники радовались своему изобретению: как не ликовать, когда получали поголовные признания, плановые показатели выполнялись и перевыполнялись. Показания, даваемые арестованными, не проверялись, не контролировались, вопрос о социалистической законности встал позже. Арестованные в скупых строчках письменных жалоб, поток которых усилился в 1939 г. с отменой «троек», сообщают о применении «физического насилия». На самом деле это были изощренные пытки по отношению к обвиняемым в политических преступлениях по ст. 58 УК РСФСР. Особенно страдали те, кто не признавал своей вины на допросах, апеллируя к справедливости. По отношению к ним поступали так: посредине комнаты ставили табуретку, на нее вторую ножками вверх, на переплет ножек второй табуретки усаживали обвиняемого. Ему не разрешалось нагибать спину, он должен был сидеть, вытянув спину, выставив руки по швам, в таком положении его заставляли сидеть сутками и более. В случае, если утомившиеся арестанты начинали дремать и меняли позу, их обливали холодной водой, если это не помогало, холодная струя воды направлялась в глаза, в лицо⁶. Как сообщали арестованные, табуреточная практика допроса активно использовалась следователями НКВД города Мирзоян⁷.

Камера в политических репрессиях – место встречи совершенно разных людей по типу, происхождению, статусу, характеру, ментальности, этнической принадлежности и пр. Среди них были и подсадные агенты НКВД. Здесь обменивались не только приобретенным опытом общения с сотрудниками НКВД, но и дискутировали о прошлом, настоящем и думали о будущем. Письменные доносы камерных агентов, зафиксировавших разговоры арестованных, содержат уникальные неизведанные пласты микросюжетов от первого лица.

Случайно обнаруженный документ одного из агентов позволил раскрыть повседневность философского тюремного бытия и «услышать» разговор, датированный 19–20 ноября 1938 г. Интерес к документу не случаен, не только тем, что очевидцы-участники разговора были приговорены к ВМН, и осталась лишь запись разговора, но и тем, что одним из заключенных оказался Ахмет Байтурсынов⁸. Кто-то из арестантов, достав кусок газеты, начал читать вслух, что на днях под Алма-Атой будет вестись большая киносъемка к кинокартине

³ Специальный государственный архив Министерства внутренних дел Республики Казахстан (СГА МВД РК) Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. Л. 4.

⁴ Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (СГАДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1107. Л. 103–105.

⁵ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. 627 с.

⁶ СГАДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1390. Л. 15.

⁷ Название города Тараз 1936–1938 гг.

⁸ Ахмет Байтурсынов [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/biography/view/20>

казахского героя Амангельды Иманова, в этой съемке будет заснято большое сражение. На вопрос «Кто такой Амангельды Иманов?» ответил А. Байтурсынов: «...никогда казахским героем не был и ничего геройского не сделал, а просто нужно было в Казахстане сделать национального казахского героя, отдавшего свою жизнь за освобождение Казахстана, вот и сделали героем Амангельды Иманова, но казахский народ как героя Амангельды Иманова не знает...» В завершение А. Байтурсынов сказал, что лично знал А. Иманова в прошлом, что он никогда не был героем, а был хорошим стрелком у одного «видного и известного по Казахстану национального героя, который много лет боролся против царского правительства за освобождение Казахстана»⁹. Далее в тексте звучит фраза агента: «фамилию этого героя я забыл»¹⁰.

Достоверность приводимой информации осведомителем верифицируется методом сопоставления с архивными источниками СГАДП города Алматы, где располагалась тюрьма УГБ НКВД КССР, куда попал Ахмет Байтурсынов, арестованный 7 июля 1937 г., осужденный 29 октября 1937 г., расстрелянный 8 декабря 1938 г. Чуть меньше десяти дней оставалось до приведения приговора, судя по дате источника.

Особый интерес в материалах архивно-следственных дел представляет универсальное обвинение в «антисоветской пропаганде», «антисоветской агитации», «контрреволюционные разговоры» и пр. Фрагменты устной истории в записях протоколов допроса в обвиняющей его части демонстрируют восприятие советской повседневности и оппозиционность сознания к политическому насилию. Особый ракурс микроистории позволяет понять глубинные процессы взаимодействия маленького человека с властью, повседневные явления его жизни в отношении к текущим событиям. Исследуемый архивный материал, за исключением газетных публикаций о «врагах народа и необратимости их наказания», создает двойное впечатление, воспринимаемое, с одной стороны как социальная поддержка всей политики власти, и государственного террора, с другой – как отрицание и неприятие советской модернизации, репрессий.

Известный казахский поэт Джамбул Джабаев¹¹ сочинил красочную картину борьбы с врагами советского народа:

«...Крадутся враги, как презренные воры,
Как склизкие змеи на брюхе ползут,
Шпионят, взрывают и яды несут,
Мы вскрыли берлоги изменников мерзких,
Собака Гамарник, шакал Тухачевский
Задумали армию нашу предать,
Задумали родину нашу продать...»¹²

Массовая истерия по поиску врагов порой давала обратный результат, как, например, констатация нездоровых антисоветских настроений в рабочей среде. Если в руководстве партии и правительства нет честных людей, одни враги – кому верить, «кого ни возьми троцкист или шпион предатель». А если они действительно представители буржуазии, то

⁹ Действительно освещение событий восстания 1916 г. происходит по единому сценарию, заданному в фильме 1938 г. Семиотика картины советского периода показывает противостояние национальной интеллигенции казахским повстанцам, отказ от соглашательской политики с царским правительством и вооруженное сопротивление Указу царя. Фамилия национального героя, о котором упоминает А. Байтурсынов – Абдигалпар Жанбосынов, единогласно избранный хан казахского народа в восстании 1916 г. Судьба А. Жанбосынова и А. Иманова закончилась трагически: первый погиб от руки красноармейца, второй от расстрела алашординцев. Более детально можно прочитать в статье *Мамашулы А.* Восстанию казахов предшествовал раскол национальной интеллигенции // Радио Азаттык 24 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/kazakh_uprising_1916/24245068.html

¹⁰ СГАДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1390. Л. 22.

¹¹ *Джабаев Д.* «Нарком Ежов» [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3422-dzhambul-dzhabaev-narkom-ezhov>

¹² СГА МВД РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 836. Л. 22.

они «объявят войну за расстрел этих людей, и мы можем оказаться захваченными врасплох, т.к. все наши военные планы за границей известны»¹³.

Неоднозначно реагировали рабочие на смерть Кирова, Фрунзе, Орджоникидзе и других членов правительства. Гибель известных руководителей удивляла и расстраивала людей – это обычная человеческая реакция. Коммеморативная практика власти создавала новых героев страны на фоне «обострения классово-борьбы», содержание государственной политики памяти формировало советскую идентичность¹⁴. Власть устраивала «стандартные массовые траурные митинги»¹⁵. Советский народ любил митинги, где цементировалась коллективная публичность, и как зеркало отражала гнев и осуждение: «Троцкистских бандитов приводят в ярость наши успехи, расцвет счастливой зажиточной жизни в нашей стране. Они хотят превратить нас в колонию фашизма. Но мы будем беспощадно уничтожать всех врагов»¹⁶. Самостийные реплики рабочих, которых партия призывала ответить новыми экономическими достижениями на преступления, совершенные врагами: «Николаев смалодушничал... нужно было и других пристрелить...», «...по случаю смерти Орджоникидзе мы должны утроить работу и объявить себя стахановцами – это значит, что они будут умирать, а мы работать, пока глаза не вылезут. Не только Орджоникидзе, но пусть черт возьмет самого вождя народа и других руководителей...»¹⁷

Диапазон устных разговоров варьировался в нескольких ипостасях, начиная от ненависти, заканчивая поддержкой и наивной, безграничной верой: «В 1934 году враги народа старались садить честных товарищей для прикрытия практических предателей и своих подлых вылазок»¹⁸.

В унисон первому высказыванию, отсидевший пять лет ИТЛ по решению Особого совещания говорил: «Я не обижаюсь на партию потому, что надо было на момент выборов изолировать сомнительный элемент, но этим воспользовались всякие сволочи, остатки недобитых троцкистов, бухаринцев, засевших в соваппаратах и, маскируя себя, они перегибали все постановления партии и правительства, этим самым думали вызвать недовольство масс»¹⁹.

Адекватность реакции маленького человечка не только на гибель, но и на аресты была вполне закономерной: там наверху знают, кого арестовывать. Ведь Жандосов, Кулумбетов и другие тоже были хорошими людьми, но, несмотря на это их посадили, а нас тем более посадят²⁰. Звучал и национальный подтекст оценки репрессий: «в Казахстане господствуют русские, а казахская интеллигенция находится в гонении. Из Казахстана выгнали лучших сынов казахского народа – Байтурсынова Ахмета, Садвокасова Смагула, Жумабаева Магжана. Они боролись за свободную счастливую, богатую жизнь казахского народа»²¹.

Поездки руководителей в регионы власть воспринимала как возможность выстроить отношения с населением, однако народ полагал, что ничего хорошего «приезжие» ему не дают: «такие люди, как Мирзоян, ездят только для того, чтобы улучшить свою жизнь, а мы крестьяне для них не нужны... они знают одно, как вытягивать с нас соки... Мы им должны отдавать мясо, масло, а сами подыхать с голоду»²².

Процесс взаимоотношений власти и человека, точнее реакция последнего и ее «правовая» оценка интерпретировались статьей 58-10 УК РСФСР как «антисоветская агитация» в следственном деле. В расширенном варианте статьи указывалось: «Пропаганда или агитация,

¹³ Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 418. Л.54.

¹⁴ Красильникова Е.И. «Народная скорбь»: массовые коммеморации, в городах Западной Сибири, приуроченные к похоронам и поминовению С.М. Кирова, В.В. Куйбышева и Г.К. Орджоникидзе (30-е гг. XX в.) // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 48–55.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Риддерский рабочий. 1937. №136. 17 июня

¹⁷ СГАДП ВКО Ф. 19. Оп. 1. Д. 3491. Л. 144.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2632. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 2633. Л. 3.

²⁰ Там же. Д. 2928. Л.12.

²¹ СГАМВД РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 274. Л. 49.

²² СГАДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 3017. Л. 2.

содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса²³. Однако социалистическая законность статьи в части приговора по лишению свободы органами правосудия, как судебными, так и внесудебными не соблюдалась, срок наказания от 5 лет и выше вплоть до максимального – высшая мера наказания. Указанная статья расширяла обвинительную часть и позволяла любому инакомыслию придать оттенок «оппозиционности», «политизированности», «антисоветскости». Действие определялось в глаголах: «рассказал», «слушал», «записал», «пересказал» и т.д.

Комментарии, слухи и анекдоты, частушки и прочий народный фольклор периода репрессий следует рассматривать как психологическую разрядку, своего рода выхлоп стрессовой ситуации. Их содержание отражало глубинные пласты советской ментальности, скрытые формы общественного сознания. Народ без стеснений и ограничений, не лицемеря, демонстрировал анонимный кукиш советской власти в лице партии²⁴. Сюжетные линии юмора задевали международные события, партийных руководителей, осмеивали спасение экспедиции Шмидта, пятилетние планы, отдых в советских санаториях и пр.

Персонализация фигуры советских вождей получила отражение в действиях и поступках людей, однако их содержание зависело от отношения к власти. Одна часть видела источник бед в одном человеке: «Если бы я видел Сталина, то сразу бы отрубил голову»²⁵. С его именем связано множество юмористических дискурсов, транслирующих специфику социальной истории и крестьянской повседневности. «Вот один колхозник выехал из колхоза в поисках лучшей жизни. А ему навстречу Сталин попадает. Он спросил колхозника: Куда ты, колхозник, едешь? Колхозник ему в ответ: Еду искать жизнь получше. А Сталин ему ответил: Хорошо жить там, где нас нет. А колхозник, обрадовавшись, ему в ответ: Вот, вот я и еду туда, где вас нет»²⁶. Анекдот отразил экономические проблемы сельских жителей и колхозное крепостное право: все крестьяне были закреплены за колхозами и не могли выехать без разрешения председателя, выдававшего справку.

Жизнь советского народа, описываемая на страницах периодической печати, не совпадала с повседневными реалиями. Народный фольклор описывал скрываемую реальность с определенной долей «агрессии» и критики власти. В условиях тоталитарного государства автор реплики или мнения, анекдота, шаржа вполне мог лишиться свободы в лучшем случае. Архивно-следственные материалы не могут подтвердить авторство приводимых текстов, в большинстве случаев в деле звучит обвинение в адрес арестованного рассказавшего, исполнившего тот или иной элемент народного фольклора. Возможно, с целью усиления политической составляющей в деле репрессированных не исключен подлог и фальсификация, надуманность обвинения со стороны следователей силовых структур периода сталинских репрессий. Данный процесс взаимоотношений не перетекал в прямую конфронтацию, это своего рода фольклорный фон, с одной стороны, индикатор народных настроений, с другой – реакция на очередное мероприятие, событие в стране.

Докладные записки оперативных сотрудников изобличали факты антисоветских и пораженческих настроений населения²⁷, имевших место в курируемых ими организациях, районах и т.д. Содержание записок озвучивали антисоветские и пораженческие высказы-

²³ СУ № 49, ст. 330. 6 июня 1927 г.

²⁴ *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

²⁵ СГАДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2391. Л. 31.

²⁶ Там же. Д. 352. Л. 81.

²⁷ Ежемесячные информационно-аналитические сводки ОГПУ-НКВД-МГБ с обязательной оценкой и анализом настроений населения.

вания местных жителей, ссыльно-переселенцев, эвакуированных. Рядом с указанными фамилиями выставлялись предполагаемые действия: «намечается к аресту», «взят под наблюдение», «арестован». В отчетной документации показывались статданные по уже арестованным, привлеченным и пр.

Любая критическая оценка повседневных тягот советской жизни воспринималась советской властью как оппозиция, речь шла лишь о мучениях, испытываемых свободным гражданином свободного общества. Острые оппозиционные сознания направлялось на колхозы и колхозную жизнь. Лишение экономической свободы и перманентное насилие на фоне снижения стандартов качества жизни, чуждых законов и правил нарушало коллективное молчание.

Темы общественно-политической повседневности плавно перетекали в бытовые беседы, где очень часто рефреном звучало: «Советская власть замучила людей. Люди ходят разутыми, раздетыми и голодными. Не жизнь, а каторга. Колхозы созданы и существуют для угнетения крестьян. Когда будет конец советской власти»²⁸.

Колхозная тематика в устной традиции крестьян была самой популярной и болезненной. Естественный вопрос и реакция: «Зачем вступать в колхоз», единолично-то жить лучше; «колхозники ходят босые и голые»; «в колхоз не пойду, потому что в колхозе работать хуже, чем у помещика, если работаешь у помещика, то знаешь, что получишь хлеб и деньги, помещик даст корову и помещение для коровы, а в колхозе работай день и ночь, а кушать нечего...»²⁹ Глухой ропот устного недовольства населения не имел политического оттенка, но мог стать основой более радикальных выступлений, как, например, крестьянские восстания.

Интересным явлением в крестьянских восстаниях периода коллективизации стали лозунги, прокламации, листовки, отразившие крестьянскую ментальность и отношение к большевикам-коммунистам. Решив главный крестьянский вопрос в 1917 г., партия преступила экономический закон социализма о повышении благосостояния, посягнув на результаты крестьянского труда. Политика и экономика советской власти вызвала сопротивление крестьян. Объединяющим лозунгом всех разрозненных крестьянских восстаний, вспыхивающих по мере накала народных страстей и обострения ситуации на месте, стал endline «Советы без коммунистов».

Основными лозунгами одного из крупнейших восстаний под руководством Ф. Толстоухова³⁰ в Восточном Казахстане стали:

- «Долой коммунистов, да здравствует свободный труд крестьянина»;
- «Долой коллективизацию, да здравствует свободный труд крестьянина»;
- «Мы не против власти, против насилия»;
- «Долой пятилетку, да здравствует чистая советская власть».

Крестьянский прагматизм без всякого налета политизированности был готов и дальше жить при советской власти, но без коммунистов и насилия. Далекие от процессуально-политических политесов, сельские жители не понимали, что советская власть и коммунисты стали одним целым. Фрагменты устной истории Толстоуховского восстания фиксируют, к чему стремились его участники: «Советская власть без насилия, без издевательств, с немедленным переходом к социалистическому строительству»³¹. Анализ распространяемых повстанцами листовок позволяет провести некоторые параллели с имперским режимом: если ранее к душителям народа относился жандарм Российской империи, то в советский период ими стали коммунисты-сталинцы, и сам диктатор Сталин. Коллективизация, колхозы и совхозы воспринимались как рабство, барщина, ограничение свободы, голод, нищета. Социалистическое строительство крестьянами виделось в наличии свободного труда и рыночных отношений. Схожие процессы наблюдались повсеместно в ситуации вооруженного противостояния крестьян власти.

«Малый октябрь», последующая советизация казахского аула обусловила неслыханную нужду казахских кочевников, воспринимавших политику коммунистической партии и совет-

²⁸ СГАМВД РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 840. Л. 9.

²⁹ СГАМВД РК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 19. Л. 60.

³⁰ СГАДП г. Алматы. Д. 11317. Т. 11. Л. 1.

³¹ Там же.

ской власти как «политику, направленную на уничтожение казахского народа». Суть разговоров, признанных «антисоветскими», сводилась к противопоставлению настоящего прошлому, что было характерно и однотипно для всех регионов Казахстана. «Коллективизация лишила казахов скота, свободы, в 1931–1933 гг. привела к массовой смертности. Казахи при царизме жили богато, каждый имел несколько сот и тысяч голов скота, жили свободно и сыто. Жизнь тогда была гораздо лучше, чем сейчас при колхозном строе»³²

Указанные фрагменты из материалов следственных дел сложно отнести к контрреволюционным деяниям: в них отсутствовали призывы к свержению советской власти. Большая часть осужденных именно за «антисоветские разговоры» не относились к категории социально-чуждых.

Особую значимость архивным материалам придают фрагменты поэзии, народного фольклора, послужившие основой обвинения авторов в распространении частушек, анекдотов, песен «антисоветского содержания». Архивно-следственные дела хранят рукописные подлинники неизвестного широкой публике творчества. Некоторые из них выполнены арабской вязью, латинской графикой. Практически большинство из них – угасающие документы. В отдельных случаях встречается машинопись, добросовестно набранная следователями и переводчиками. Содержание народного творчества отражало повседневную абсурдность общественно-политической жизни, экономические трудности, затрагивало множество законодательных запретов и т.д. Репрессивные акции детерминировали косвенное сопротивление, отражали советское зазеркалье.

Последствия советизации казахского аула, насильственной коллективизации получили отражение в поэме казахского бая, репрессированного в 1928 г. В переводе поэмы на русский язык показаны процесс истребления «бывших»: советская власть изолировала сына от отца, дочь от матери, роды находятся в Тарбагатае³³, семья в Сырдарье³⁴, а сам в городе Омске, ссыльный на три года, что еще может быть хуже, все состояние, скот, имущество конфисковано, и не только я, все баи оказались в таком положении, почему нас конфискуют, разве мы отобрали чужой скот? Ведь наш скот достался нам от отцов и дедов»³⁵. Сама поэма структурно выстроена по канонам традиционного казахского устного творчества, она включает событийную историю, затрагивая прошлое, протягивая нити в настоящее и предвещая трагизм будущего.

Служители религиозного культа, выступавшие против закрытия мечетей, церквей, гонений верующих, стали объектами репрессий. Среди них оказалось немало творческих личностей, выразивших свое инакомыслие в стихах на арабском языке:

Бог на небе, дьявол на земле.
Один за, другой против религии.
Каждый тянет к себе.
Не знаю, кто обманывает
Нас из них
Бог на небе, дьявол на земле.
Пора узнать – Эй, малый (парень),
Что обманывает – дед Карл Маркс
Ты и он – оба дьяволы.
Но, дьявол тоже думает, что есть бог³⁶.

Стихи написаны в июне 1927 г., автор был обвинен в написании «контрреволюционных, клеветнических стихотворений в адрес советской власти» и приговорен к расстрелу в период массовых репрессий.

³² СГАМВД РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 274. Л. 18.

³³ Тарбагатайский район – южный район Восточно-Казахстанской области.

³⁴ Баев с Восточного Казахстана отправляли в ссылку в Кызыл-Ординскую область, на Аральское море.

³⁵ СГАДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3528. Л. 14.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 2946. Л. 46.

В среде казахского народа было немало талантливых поэтов-акынов, оказавшихся в тисках репрессий. Их самостоятельная концертная деятельность преподносилась как антисоветская агитация с исполнением националистических стихов, песен, прославлявших прошлую байско-феодалную жизнь, клеветавших на советскую действительность». Одним из таких акынов оказался Абенов Шакир. Он автор множества поэтических форм, в числе которых есть эпические поэмы «Таншебер и Жапал», «Кейпин батыр», «Козы-Корпеш и Баян сулу».

Абенова Шакира обвинили в антисоветском содержании написанных им стихотворений «Прощай мой отчий дом», «О боже, куда мне идти, где мне жить», где автор якобы выразил свое недовольство мероприятиями советской власти, направленными против баев. В «антисоветском стихотворении» «Почему человек хуже птицы» он якобы призывал народ не вступать в колхозы:

«Всех уничтожат, отобрав земли и скот!
Что за злодей кровавый, уничтожающий народ!
Всех как просо зажавший в один кулак!
Уничтоживший баев и середняков!
Бедняки потом бросятся с рысистой пастью?
Родичи, разлучитесь вы друг от друга,
Ползком пройдете через узкую щель
Сами своими руками продавая свободу,
Увидим, бедняки, как вы заживете колхозом,
Разве не видишь, какое отвратительное название – «колхоз»,
этого невежда бедняк еще не понимает.
Попав, всю жизнь, не сможешь освободиться,
Из капкана, куда поймали тебя обманом!
Если обобщают в колхоз весь твой скот,
И наложат на тебя членские, паевые взносы,
День и ночь будешь работать, согнув спину,
Одежду износив, лишишься разума,
За свою оплошность сами понесете наказание,
И без моих увещаний увидите это своими глазами,
Запишешься в колхоз, но не вырвешься потом,
Из ваших глаз потечет кровь вместо слез!»³⁷

Автора поэтического изложения повседневных колхозных будней обвинили в антисоветской агитации и пропаганде. Эти же мысли озвучивали крестьяне: «В деревне кошмарно плохо, колхозы и советская власть довели до того, что у них ни люди, ни скот уже не ходят и сидят голодом. В колхозе сейчас забирают весь хлеб, забрали всю скотину, народ голодает»³⁸.

Таким образом, архивно-следственные материалы – уникальный источник, раскрывающий неизвестные страницы истории репрессий. Их феноменальность заключается в возможности процитировать фрагменты устной истории из первоисточника. Протест населения против политики социально-экономической модернизации, а именно против коллективизации, обусловил активизацию «антисоветских» разговоров. Микроистория политических репрессий в рассказах, разговорах, озвученных мыслях, народном фольклоре демонстрирует настроения народа. Устные сюжеты акцентируют внимание на последствиях экономической трансформации: голоде, налогах, насилии, антирелигиозной политике и т.д. Приводятся сравнительные параллели с прошлым, обращение к предыдущим экономическим условиям жизни. Порой коммуникации сопровождались эсхатологическими слухами, небылицами о первых руководителях, включая Сталина. Вместе с тем оппозиционность

³⁷ СГАДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1529. Л. 169. Перевод стихотворения с казахского на русский язык в деле осуществлен переводчиком НКВД-МГБ.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–3.

приводимых устных сюжетов заключена в критическом скептицизме относительно проводимых советской властью мероприятий, без призывов к свержению существующего строя с условием изгнания коммунистов.

Литература

- Байтурсынов А. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/biography/view/20>
- Джабаев Д. «Нарком Ежов» [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3422-dzhambul-dzhabaev-narkom-ezhov>
- Жанбосинова А.С. Борис Чирков и Лев Залин: к биографии руководства НКВД Казахской ССР // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 7. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-07.pdf>
- Красильникова Е.И. «Народная скорбь»: массовые коммеморации, в городах Западной Сибири, приуроченные к похоронам и поминовению С.М. Кирова, В.В. Куйбышева и Г.К. Орджоникидзе (30-е гг. XX в.) // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 48–55.
- Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. 627 с.
- Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

References

- Baitursynov, A. [Baitursynov A.] Available at: URL: <https://e-history.kz/ru/biography/view/20>
- Dzhabaev D. *Narkom Ezhov* [People's Commissar Yezhov] Available at: URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3422-dzhambul-dzhabaev-narkom-ezhov>
- Fittspatrik, Sh. (2001). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. Moscow.
- Krasilnikova, E.I. (2014). “Narodnaia skorb”: massovye kommemoratsii, v gorodakh Zapadnoi Sibiri, priurochennye k pokhoronam i pominoveniuiu S.M. Kirova, V.V. Kuibysheva i G.K. Ordzhonikidze (30-e gg. XX v.) [“People’s grief”: mass commemorations in the cities of Western Siberia, dedicated to the funeral and commemoration of S.M. Kirov, V.V. Kuibyshev and G.K. Ordzhonikidze (30s of the 20th century)]. In *Vestnik Omskogo Universiteta*. No. 1, pp. 48–55.
- Teplakov, A.G. (2008). *Mashina terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The machine of terror: OGPU-NKVD of Siberia in 1929–1941.]. Moscow, Novyi khronograf. 627 p.
- Zhanbosinova, A.S. (2019). Boris Chirkov i Lev Zalin: k biografii rukovodstva NKVD Kazakhskoi SSR [Boris Chirkov and Lev Zalin: a biography of the NKVD leadership of the Kazakh SSR] In *Istoricheskii Kurer*. No. 1 (3), Article 7. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-07.pdf>

Статья поступила в редакцию 01.07.2020 г.